

ДВОЕВЛАСТИЕ

Сов. кинематограф. — 1991. — 6 апр. — С. 11
В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ-СТУДИИ КИНОАКТЕРА «ПОЛЫХАЕТ» КОНФЛИКТ

Есть расхожее выражение: актеры — они, мол, как дети. И есть, оказывается, люди, которые понимают его буквально и готовы взять на себя бремя решений за них, актеров, словно те по «малолетству» не в силах понять, что для них благо, а что... наоборот.

В Театре киноактера в Москве «бурлят закулисные страсти». Вопрос один: как жить дальше? Кто-то считает — в труппе раскол, кто-то — интриги. Наша театральная жизнь имеет уже достаточный опыт того и другого, то скрытого, то выносимого на всеобщее обсуждение. Но «ситуация здесь, как и сам Театр киноактера, особая.

В чем дело?

То ли на волне всеобщей демократизации, то ли устав постоянно покрывать убыточность театра, генеральный директор «Мосфильма» В. Досталь своим приказом преобразовал его с июня 1990 года в самостоятельное государственное предприятие с правом юридического лица и уставным фондом.

Тем же приказом В. Досталь определил «цену» дарованной свободы: с января 1991 года театр должен был отчислять 10 процентов от прибыли (дохода) в фонд ГПТО «Мосфильм». Это, впрочем, к слову. Десятипроцентная практика была тогда делом обычным, и даже объяснимым, за это винить — грех. Как и получается, генеральный директор «Мосфильма» утвердил новый устав театра и правление. Интересное начинается потом.

Через несколько месяцев возникает идея киноконцерна. Появляется решение правительства, по которому предполагается включить в него и

Театр киноактера. И тут совершенно неожиданно для себя актеры узнают, что они, оказывается, ...самостоятельны. О майском приказе В. Досталь — ни сном, ни духом. Новый устав, по которому коллектив живет, ни на одном собрании не обсуждался. Правление не избиралось. То есть за спиной коллектива «в рабочем порядке» все и было сделано. По той же схеме предполагалось провести «добровольно» вступление в концерн.

Вы любите, когда от вашего имени за вас решают вашу судьбу? Как это называется?

Вот уже несколько месяцев идет борьба за будущее. С одной стороны, звучит слово «концерт», с другой — «самостоятельность». Обе стороны признают, что решающий аргумент — «воля коллектива». В коллективе около трехсот человек, включая цеха, службы, администрацию, которых собрать одновременно в зале, я думаю, практически невозможно. Следует учитывать и специфику работы актеров кино. Но взорум, судя по документам, дважды набирался.

23 октября прошлого года (на собрании — 172 человека) инициативная группа — та, что за «самостоятельность», — предложила проект нового устава, который с некоторыми поправками принимается. Действующий же решено признать недействительным, так как он был принят «без обсуждения его на общем собрании коллектива и не был обсужден выборными органами театра». Собрание поручило рабочей группе послать телеграммы на имя тогдашнего Председателя СМ СССР Н. И. Рыжкова и генерального директора ГПТО «Мосфильм» В. Н. Досталь о

несогласии коллектива с включением театра в концерн.

На собрании 26 декабря 1990 года патриарх нашего кинематографа Николай Афанасьевич Крючков под аплодисменты сказал: «Главное в театре — артисты, и они сами должны решать свою судьбу, как и где им жить. Я лично — за самостоятельный театр со своим уставом в своем доме. Боритесь!»

И действительно началась борьба. Собранию в довольно резкой форме высказывались сомнения в его правомочности. Потом очень эмоционально — насколько глупо, не понимать преимуществ концерна. Однако подавляющее большинство стоит за «самостоятельностью — прежде всего».

Тайным голосованием (с 11.00 до 22.00 на следующий день) избирается правление театра в составе одиннадцати человек. Председателем правления становится народная артистка РСФСР З. Кириенко.

В итоге — двоевластие.

С одной стороны — дирекция во главе с А. Анощенко, отработавшим на посту директора театра четверть века, и прежнее правление. К появлению нового они относятся, как к досадному неправоначальному капризу, мешающему нормальной работе и раскалывающему труппу, которая в принципе будто бы готова и рада подать свой голос за концерт. По эту сторону «баррикады» — все официальные атрибуты власти.

С другой стороны — новое правление, у которого нет ничего, кроме поддержки коллектива. И еще — здравого смысла, подсказывающего, что надо бы поставленную во главу угла волю того самого коллектива уважать.

Основной «фронт» сейчас юридический. Администрация решения обоих собраний снисходительно игнорирует, считая их неправомерными. Она взялась было собирать по отдельности подписи «за концерт», но затем оставила, когда ей подсказали, что метод не очень «чистый».

Забавная на сегодня получается картина... Коллектив, используя свое право, избрал себе правление, которое ничего не может сделать, потому что администрация его не признает. Разбором конфликта занимаются и Моссовет, и «Мосфильм», и Госкино, а «воз» — ни с места.

Никто, кроме самих артистов, не может, не имеет права решать, что для них лучше. Поэтому я не буду разбирать аргументов в пользу концерна. Но не может не насторожить факт, что театр туда «тянут», требуют решить немедленно и однозначно — положительно. Зачем спешка? Дайте театру определить себя как действительно самостоятельную организацию, а потом он сам решит, в какую сторону двигаться...

Двоевластие. Чем-то оно разрешиться все-таки должно. Что победит — здравый смысл или административная инерция? О том, какие интересы служат почвой конфликта, переходящего в скандал, писать не хочется. И без того слишком неблагоприятным делом занялся. А интересы те — на поверхности. Скажем, здание... Или власть...

И пусть поймут меня правильно: я не выступаю против концерна — не мне решать. Но пусть решат сами актеры, а не за них.

В. СТОЛЬНИКОВ.

Р. С. Когда материал был уже готов, стало известно, что Межведомственная комиссия Моссовета зарегистрировала устав московского театра «Киноактер». Самостоятельного.